

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.2>

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ МАЛОГО ГОРОДА ЮЖНОЙ ПРОВИНЦИИ

Каринэ Размиковна Амбарцумян^{1*}, Виктория Максимовна Труфанова²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук, доцент
karina-best21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

² Ассистент
vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В данной статье анализируется влияние последствий Революции и Гражданской войны на деформацию представлений о морали и нравственности в коллективном бессознательном на примере города Георгиевск. Рост преступности в условиях малого города южной провинции стал частью городской повседневности в 1920-х гг. как реакция общества на исторический кризис. Новая социальная реальность предполагала изменения повседневности не только обывателей, но и тех, кто должен был бороться с криминализацией общества. **Материалы и методы.** В статье проанализирован делопроизводственный материал: служебные переписки, рапорты и распоряжения Георгиевской уездной милиции по борьбе с бандитизмом в 1920-х гг., исходя из междисциплинарного подхода, в рамках истории повседневности и новой локальной истории с применением общенаучных методов, а также конкретно исторических методов, методов исторической антропологии и контекстного анализа документов. **Анализ.** В работе исследован процесс криминализации общества в постреволюционный. На примере Георгиевска начала 1920-х гг. удалось рассмотреть рост уровня городской преступности, проанализировать локальные особенности и связь с повседневной жизнью горожан, а также попытки государства по преодолению проблемы социальных девиаций. В статье подробно освещаются мероприятия по борьбе с преступностью и бандитизмом, проводимые молодой советской властью. В это время центральная власть в первую очередь была заинтересована в преследовании «контрреволюционной деятельности», в то время как практика местной власти в большей ориентировалась на решение конкретных проблем, которые могут нарушить обычную жизнь в провинции. Также, в 1920-е гг. начнется процесс формирования новых подходов в деятельности местных отделов милиции. Уделено внимание влиянию постреволюционного кризиса в стране на психологическое состояние населения в Георгиевске, что повлияет на их повседневную жизнь и восприятие окружающей их новой исторической действительности. В свете этого, список общественных пороков в 1920-е гг. претерпел значительные изменения и расставил новые акценты. Так, довольно частые виды преступлений вроде: пьянства, самогеноварения, преступлений против личности, буйства, служебных и имущественных преступлений, в мирное время пополняются военными преступлениями и преступ-

лениями против новой власти (так называемыми «контрреволюционными преступлениями»), на которые местная власть будет обращать особое внимание. **Результаты.** Общественное бессознательное реагировало на исторические изменения и политические кризисы 1920-х гг., что приводило к деформации социальных норм, моральных установок и традиционных ценностей. Вместе с тем, социальные и политические потрясения 1920-х гг. привели к необходимости принятия решительных мер со стороны государства и местных органов милиции для защиты общественного порядка и борьбы с преступностью. В исследовании выявлена связь Георгиевском и сельскими районами, где совершались преступления и формировались банды преступников, но последствия данных процессов ощущались и в городской жизни.

Ключевые слова: город Георгиевск, городская повседневность, социальные девиации, малый город, постреволюционный период, советское общество, криминогенная ситуация, новая локальная история

Для цитирования: Амбарцумян К. Р., Труфанова В. М. Преступность как элемент постреволюционной повседневности малого города южной провинции // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 629–638. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.2>

Конфликт интересов: один из авторов статьи – кандидат исторических наук, доцент Амбарцумян Каринэ Размиковна является ответственным секретарем журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е - 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.09.2024.

Статья принята к публикации: 25.11.2024.

Research article

CRIME AS AN ELEMENT OF POST-REVOLUTIONARY EVERYDAY LIFE IN A SMALL TOWN IN THE SOUTHERN PROVINCE

Karine R. Ambartsumyan^{1*}, Victoria M. Trufanova²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor
karina-best21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

² Assistant
vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article analyzes the impact of the Revolution and Civil War consequences on the deformation of ideas

about morality and ethics in the collective unconscious by the example of the city of Georgievsk. The growth of crime in a small town in

the southern province became part of everyday life in the 1920s as a reaction of society to the historical crisis. The new social reality implied changes in the everyday life of both ordinary people and those who had to fight against the criminalization of society. **Materials and Methods.** The article analyzes office material: official correspondence, reports and orders of Georgievsk district police on the fight against banditry in the 1920s. It is based on an interdisciplinary approach, within the framework of the history of everyday life and new local history with the use of general scientific methods, as well as specifically historical methods, methods of historical anthropology and contextual analysis of documents. **Analysis.** The work examines the process of criminalization of society in the post-revolutionary time by the example of Georgievsk in the early 1920s. It was possible to consider the growth of the urban crime rate, analyze local characteristics and connections with the everyday life of citizens, as well as the attempts on the part of the state to overcome the problem of social deviations. The article specifies the measures to combat crime and banditry carried out by the young Soviet government. At that time, the central government was primarily interested in prosecuting "counter-revolutionary activities", while the practice of local authorities was more focused on solving specific problems that could disrupt ordinary life in the provinces. Also, in the 1920s, the process of forming new approaches in the activities of local police departments will begin. Attention is paid to the influence of the post-revolutionary crisis in the country on the psychological state of the population in Georgievsk, which will affect their everyday life and perception of the new historical reality surrounding them. In light of this, the list of social vices in the 1920s underwent significant changes and placed new accents. Thus, fairly common types of crimes such as drunkenness, moon-shining, crimes against the person, rowdiness, official and property crimes, in peacetime will be supplemented by war crimes and crimes against the new government (the so-called "counter-revolutionary crimes"), to which local authorities will pay special attention. **Results.**

Введение. 1920-е гг. оказались сложными для российского общества, как центральных городов, больших индустриальных центров, так и небольших провинциальных городков, т.н. «малых городов». Данный период для только формирующегося и ещё не до конца утвердившегося государственного строя стал временем преодоления последствий Гражданской войны, утверждением советской власти в регионах и временем серьёзных испытаний для социальных норм и социального благополучия российского общества. Частью повседневной жизни южной провинции стала криминализация, которая была связана как с преступлениями против новой власти, так и с нарушением общественного спокойствия. В данной статье речь идет о Георгиевске, ставшем символом завоевания и освоения Российской империей Кавказа, так как именно здесь в 1783 г. был подписан русско-грузинский Георгиевский трактат. В марте 1920 г. город заняла Красная Армия и с этого момента начался отсчёт нового периода в его истории – советского. В течение 1920-х гг. неоднократно менялся административный статус Георгиевска. С 1921 по 1923 гг. Георгиевск имел окружной статус, затем стал районным центром Терской губернии. В данный момент г. Георгиевск и Георгиевский район являются частью Ставропольского края и прочно ассоциируются со Ставрополем.

Материалы и методы. В заголовок статьи мы намеренно вынесли социологическую дефиницию «малый город». Как отмечают исследователи, любая власть не обращала особого внима-

The public unconscious responded to historical changes and political crises of the 1920s, which led to the deformation of social norms, moral principles and traditional values. At the same time, the social and political upheavals of the 1920s led to the need for decisive measures by the state and local police to protect public order and combat crime. The study revealed a connection between Georgievsk and rural areas, where crimes were committed and gangs of criminals were formed, but the consequences of these processes were also felt in urban life.

Keywords: Georgievsk, urban everyday life, social deviations, small town, post-revolutionary period, Soviet society, crime situation, new local history

For citation: Ambartsumyan KR, Trufanova VM. Crime as an element of post-revolutionary everyday life in a small town in the Southern province. Humanities and law research. 2024;11(4):629-638. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.2>

Conflict of interest: one of the authors of article – Karine R. Ambartsumyan, Cand. Sc. (History), Associate Professor, is an executive editor of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass Consciousness and Everyday Practices of the City Residents of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920s - 1930s", <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 15.07.2024.

The article was approved after reviewing: 18.09.2024.

The article was accepted for publication: 25.11.2024.

ния на малые города, из-за чего они традиционно вырабатывали свои механизмы адаптации к изгибам и крутым поворотам социального процесса. В современной России малые города по градостроительным нормам определяются численностью населения менее 50 тыс. [21]. Есть версия, что число жителей может быть и до 100 тыс. [17]. Однако первый критерий более просторен. Одной из особенностей малых городов является их меньшая подверженность маргинализации в сравнении с крупными. Некоторая устойчивость объясняется тем, что сюда не стекались люмпенизированные элементы со всей страны. В условиях глубоких системных кризисов, когда население оказывается на грани выживания, рост девиаций и преступности будет связан не с приезжими, а местными жителями.

Следует оговорить еще один важный момент – помещение проблематики в контекст истории повседневности. Нам представляется интересной и применимой к теме позиция Ш. Фицпатрик, которая полагает, что повседневность может включать и стратегии выживания, используемые в специфических социально-политических условиях [30]. Данное свойство мы дополним особенностями проживания постреволюционного времени локальным сообществом Георгиевска. В этой связи методология исследования сформирована междисциплинарным принципом и подходами истории повседневности и новой локальной истории. Источниковая база сформирована архивными документами Государственного архива Ставропольского края, что

позволило не просто выявить особенности преступлений, совершаемых в Георгиевске в начале 1920-х гг., но и посмотреть, как в этих условиях жили обычные люди.

Анализ. Преступность в постреволюционный период становилась признаком новой социальной реальности, что связано не только с хозяйственным разорением и падением уровня жизни. Как отмечает российский историк В.П. Булдаков, революция и Гражданская война нанесли удар ещё и по психике [2, с. 13]. Периоды исторических переломов и переходов неизбежно связаны с феноменом деформаций норм и представлений о них. Однако при первом же столкновении с социальными, политическими или экономическими изменениями мы можем наблюдать совершенно иную картину: коллективное бессознательное подвергается серьёзной обработке, как целенаправленной со стороны большевистской власти, так и со стороны исторической турбулентности, предлагавшей народу адаптироваться к совершенно новой морали и нравственности. Отсюда следует полное изменение восприятия действительности. Подобная точка зрения о новых представлениях о норме и девиации встречается в работах В.П. Булдакова [1; 2]. Историк пишет о преступном характере большевистской власти. А.Г. Тепляков видит истоки волны преступности 1920-х в предреволюционном времени, так он отмечает, что в 1900 – 1913 гг. удвоилось число имущественных преступлений. Однако под влиянием событий Гражданской войны произошла архаизация социума, что сделало насилие типичным инструментом действий как властей, так и масс. Большое внимание в его работе уделено феномену красного бандитизма [28].

Бандитизм, преступность, пьянство и т.д., т.е. социальные девиации – вовсе не новые явления и уж точно не характерные исключительно для 1920-х гг. Речь идёт о заметном количественном увеличении случаев деструктивного социального поведения на фоне военных и революционных потрясений и преодолении властью и обществом их последствий.

Понимание того, что молодое советское общество не может преодолеть проблему социальных девиаций и криминализации, присуще уже современникам. Первые работы о преступности в раннесоветский период стали появляться в 1920-х гг. Для историка они важны не только как историографический факт, но и источник-материал, так как написаны очевидцами изучаемых нами событий и времени. К такого рода трудам следует отнести работу А.А. Жижиленко¹ «Преступность и её факторы» [19] опубликованную в 1922 г. Во вступительном слове

редакции было пояснено издание монографии профессора А.А. Жижиленко злободневностью проблематики в «годы тяжелых переживаний Государства» [19]. Подробный анализ российского и европейского статистического материала представлен в работах [3; 4] российского правоведа М.Н. Гарнета² «Преступность и самоубийства во время войны и после неё» и «Моральная статистика». В статье Д.П. Родина [26] присутствует анализ преступлений в городской и сельской среде. Для нашей темы ценен вывод автора о том, что преступность «тем выше, чем более городской характер носит та или иная местность» [26, с. 94]. В городе преобладают экономические преступления или преступления против собственности (кражи, мошенничество, подделки, подлоги и прочее), в то время как в «грубой и тёмной деревне» преступность преимущественно будет направлена против личности [26, с. 95] (убийства, телесные повреждения и т.п.), что вызвано постоянно меняющейся экономической конъюнктурой города и относительной экономической стабильностью сёл и деревень. Вместе с тем в статье присутствует анализ городской и сельской преступности по гендерному признаку, сделан вывод о более высоком проценте женской преступности в сравнении с мужской в городах [26, с. 98-99]. Применительно к Георгиевску такая закономерность корректируется в связи с близостью сельской округи ее влиянием на городское пространство. Самому Георгиевску, укладу, менталитету и экономике были присущи сельские признаки.

В современной российской историографии теме раннесоветской преступности посвящено много работ историков и юристов, так как сама проблема имеет междисциплинарный характер [20; 22; 24]. Среди работ правоведов историки могут обнаружить довольно интересные подходы к классификации преступлений в Советской России 1920-х гг. Так, В.В. Никулин [23] пришел к выводу о том, что на начало периода преступления были насильственного характера, а ближе к концу увеличивается доля должностных и имущественных. Юрист Н.А. Эккельман обращается к феномену детской преступности в 1917 – 1920-е гг. Новизной отличаются исторические работы, привлекающие судебные материалы и судебную статистику. С.Е. Панин прослеживает взаимосвязь между ростом преступности и ростом потребления спиртных напитков, выделяя так называемые «пьяные» преступления как один из популярных видов преступлений в 1920-е [25].

¹ Жижиленко Александр Александрович – российский учёный-правовед, специалист в области уголовного права и криминологии.

² Гернет Михаил Николаевич — российский и советский учёный-правовед, криминолог и специалист по уголовно-исполнительному праву, доктор юридических наук, профессор.

Упомянутый выше Д.П. Родин¹ выделил категорию вынужденной преступности, которая является порождением целой группы факторов [26, с. 95-97]. Часто такого рода преступления становились естественной реакцией на состояние постреволюционного и поствоенного времени, когда произошло стирание границ между «правильным» и «неправильным», на разруху и разрушение социальных и политических конструкций, регулирующих общественное поведение. По данным Д.П. Родина, в 1922 г. на 1000 населения в среднем приходилось 13,9 % осуждённых по совершенным преступлениям (кражи, мошенничества, разбои и грабежи, тайное винокурение, телесное вредительство, убийство, конокрадство и т.п.), в 1923 г. процент осуждённых возрастает до 14,79 % [26, с. 96]. Наиболее часто совершаемыми преступлениями оказались военные преступления (растрата, порча, кража казённого имущества, неисполнение воинских приказаний и т.п.), нарушение трудовых правил, мошенничество, подделка государственных платёжных знаков и т.п. Процент осуждённых по упомянутым преступлениям колеблется в 1922 г. от 60,3 % до 75,7 %; в 1923 г. от 50,5 % до 86,2 %; в первой половине 1924 г. от 56,1 % до 90,8 % от общего процента осуждённых в рассматриваемый период [26, с. 97-98].

Говоря о попытках со стороны государства противодействовать росту преступности, заметим, что на общегосударственном уровне к концу 1918 г. существовало уже около 40 специальных уголовно-правовых декретов и 69 актов, определявших отдельные составы преступлений [20, с. 105]. В 1920-х гг. ещё одним ответом государства на рост бандитизма, хулиганства и подростковой беспризорности стало введение в действие нового Уголовного кодекса РСФСР от 1 июня 1922 г. [29], редакция которого была в 1926 г.

В целом, уголовное право в 1920-х гг. заботилось больше о государственных интересах, нежели общественной безопасности и наказывало жестче за преступления против власти и партии, за так называемую «контрреволюционную деятельность». Российский историк В.Н. Колемасов отмечает, что в 1920-е гг. шло формирование советского уголовного законодательства, поэтому к уголовным преступлениям относились снисходительно [20, с. 107].

Общая криминогенная обстановка в конце и после Гражданской войны определялась разгулом бандитизма всех оттенков, в том числе и красного. Южная окраина бывшей Российской империи, Терек и Ставрополье, также испытывали на себе все последствия постреволюционной архаизации.

¹ Родин Дмитрий Петрович – в 1928 г. был заведующим отделом моральной статистики Сектора социальной статистики ЦСУ РСФСР, впоследствии — сотрудником Института по изучению преступности.

Отступление белого движения из Георгиевска сопровождалась борьбой большевиков с их сторонниками. Декреты георгиевского Военно-революционного комитета интересны в связи с формированием определённого отношения к отступившим белогвардейцам. Новая власть криминализовала деникинцев, их пребывание в городе подавала как оккупацию. Классовая ненависть поддерживалась за счет формирования образа не просто эксплуататора, но и преступника, что зачастую соответствовало реальности: «Во время отступления из пределов Севкавказ контрреволюционных генералов Деникина, Эрдели, и др. выяснилось, что последние вывезли из всех касс, банков, казначейств и других кредитных учреждений всю наличность, оставив пустые кассы. В настоящий момент черносотенные генералы с награбленным народным достоянием скитаются у двери западноевропейских капиталистов, стараясь натравить буржуазные государства против рабоче-крестьянских масс освобожденной России. Советская власть, приступая к реорганизации финансового дела, может принять на себя ответственность за грабежи и явное расхищение народного достояния Деникинской сворой...» [5, л. 69]. Даже учитывая масштаб финансового коллапса, георгиевский ревком издал данный документ 22 мая 1920 г., на два месяца позже приказа о борьбе с пьянством (он был издан в марте), что свидетельствует о приоритизации социальной сферы над финансовой в политике местной власти и ситуативности принимаемых решений. Местные большевики реагировали на то, с чем в первую очередь сталкивались и что более всего мешало налаживать жизнь.

Из архивных документов мы узнаем о «бандитских группировках революционеров». В донесении дежурного по Георгиевскому уезду от 13 июля 1921 г. к начальнику георгиевской уездной милиции описан случай, когда на одного из милиционеров по пути из ст. Ново-Георгиевской в Георгиевск напали и ранили такие бандиты [9, л. 95]. 8–9 августа 1921 г. около реки Золки двумя вооружёнными неизвестными был привязан труп... [9, л. 96]. Все донесения и рапорты были адресованы начальнику Георгиевской уездной милиции для дальнейшего рассмотрения. Советская правоохранительная система только формировалась и поэтому было много задержек и проволочек. До того момента пока было дано разрешение открыть дело, преступники успевали скрыться. Обилие отчётов о мелких преступлениях или требующих строчной реакции тормозили работу губернского оперативного штаба. 25 декабря 1921 г. комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступностью по должности запросила возможность для начальников милиции на местах обращаться с рапортами, заявлениями, донесениями и т.п. к райуполномоченным оперштаба (районным уполномо-

ченным оперативного отдела штаба милиции на местах – *авт.*) на местах [15, л. 5 об.]. Таким образом местным отделам милиции была дана свобода для более быстрого реагирования на происшествия в их районах.

В 1922 г. в Георгиевском уезде действовала банда под красным флагом, именуемая себя красноармейской частью. На территории самого Георгиевска их не было, при этом бандиты создавали угрозу городу достигая близлежащих сел [13, л. 16]. Властям удавалось удерживать эти формирования на расстоянии от уездного центра. Такие угрозы создавали и другие группировки в 1922 г. Георгиевский, Пятигорский и Прикумский уезды были самыми «угрожаемыми по бандитизму» [13, л. 20]. Если верить архивным документам, то на следующий год опасность существенно снизилась. 5 января 1923 г. состоялось заседание губернского Военного Совещания по борьбе с бандитизмом. Констатировалось, что бандитизм остается на высоком уровне. Как доложил один из участников, «главари банд Орлов, Тишков и Горчаров». Часть «гончаровцев» вступили в РККА. Терроризируя население и внося «разложение в красноармейскую среду», роняли авторитет советской власти [14, л. 2-2 об.]. По Георгиевскому уезду в 1923 г. местных банд не было. Однако были пришлые. Так, на уезд совершались набеги так называемой «затеречной банды» из Горской республики, которая угоняла лошадей (племенных и верховых, рабочих не брали) [14, л. 5]. В этот же период в Георгиевском уезде объявилась банда из демобилизованных красноармейцев, хорошо вооруженная и знакомая с местностью. Действовали они на территории станиц и сел, сведений о ее появлении в городе нет [14, л. 4]. При этом следует понимать, общая криминогенная обстановка в уезде влияла на город. Жители Георгиевска не могли чувствовать себя в безопасности, тем более что связь с сельской местностью была прочной. Например, 22 июля 1922 г. гражданин Лоцко выехал к станции Незлобной с пасекой и там стал жертвой бандитов, требовавших от него меда и хлеба. Такого рода случаи не были единичными и часто повторялись [10, л. 17]. Горожанин Колганов М.М. обратился в милицию после того, как 1 сентября 1922 г. рядом с железной дорогой неизвестные у него отобрали лошадь. При чем не просто забрали, а его здорового двухлетнего жеребца обменяли на коня двенадцати лет, измученного и с лысиной [10, л. 87].

24 апреля 1922 г. была издана инструкция Терского губернского военного совещания «О привлечение населения к самообороне и непосредственному участию к борьбе с бандитизмом», касалась она и Георгиевска, так как пункт 4 предусматривал охрану городов: «Каждый домком обязан не реже одного раза в две недели произвести политическую проверку лиц, проживающих в его доме, и в случае обнаружения

подозрительных лиц, немедленно передать властям и милиции. Каждый районный начальник милиции через своих агентов и лично контролирует действия домкома. В случае обнаружения в каком-либо доме политически или уголовно ненадежного лица домком несёт ответственного перед Рев<волюционным> Судом» [12, л. 8].

В самом городе Георгиевске советская власть пыталась жесткой рукой навести порядок и установить трудовую дисциплину. Намерения власти и практика, безусловно, расходились друг с другом. Интерес представляет одно из самых первых предписаний большевистской власти: касалось не банд, а пьянства и производства самогонки. Сам факт издания данного приказа 23 марта 1920 г., сразу же после установления советской власти, симптоматичен и свидетельствует о впечатляющих масштабах этих явлений: «Граждане Советской России должны раз и навсегда забыть кадетский разгул и беспорядок и привыкать к строгой революционно-трудовой Советской дисциплине...» [5, л. 13].

Одной из социальных язв постреволюционного Георгиевска были пьянство и самогонование. Военно-революционный комитет предписывал всем гражданам города не появляться в публичных местах в пьяном виде. В нарушение предусматривались общественные работы сроком до одного месяца. Задержанные нетрезвые горожане обязывались выдать места самогонования. А те, кто уличался в варке самогона – привлекались к общественным работам до двух лет. К сожалению, архивные документы не дают точного представления о том, как приводились в жизнь подобные чрезвычайные меры. В октябре 1923 г. в уездную милицию поступило сообщение из уездного управления Терского губернского отдела ГПУ, что на улицах и «в театрах» много пьяных [10, 153]. Общий опыт советской «чрезвычайщины» свидетельствует о невыполнении таких директив, что порождало новые приказы и распоряжения. Конкретно в условиях Георгиевска у власти не было возможности для выполнения собственных такого рода приказов, тем более приказа военного совещания по борьбе с бандитизмом. Состояние милиции оставляло желать лучшего, о чем будет сказано ниже.

Самогонование было делом прибыльным и помогало заработать в условиях хозяйственного расстройств. В правоохранительные органы поступали доносы о самогонщиках. Например, в 1921 г.¹ было сообщено, что в Георгиевске по улице Кумской проживает гражданин Давыдов, который занимается араковарением: «В начале лета у него не было ничего и жил он очень плохо, но вот у него появилась пара лошадей хороших и бричка – утверждали граждане, что это он всё украл... В настоящее время он варит араку и

¹ Точная дата не проставлена на самом документе.

у него собирается разный сброд и солдаты, которые залаживают вещи» [11, л. 227].

Милицией в городе практиковались проверки и облавы с целью проверки документов. Сама процедура позволяла выявить тех, кто не имел удостоверений личности советских граждан и не был зарегистрирован в адресно-паспортном столе. Таким образом еще выявлялись мелкие преступники. Согласно рапорту начальника уездной милиции Волкова в народном доме Георгиевска 18 августа 1922 г. была проведена «облава». Причиной стала пропажа кошельков у многих посетителей. Проверка документов имела целью скорее выявить карманников среди присутствующих на спектакле в этот вечер. При этом любопытны не сколько итоги этого мероприятия, а именно поведение участников. Заместитель начальника гарнизона отказался «в категорической форме» проводить таковую в связи с поздним временем: «Время уже два часа каковое всецело в моем распоряжении». На этой почве между милицией и военными разгорелся скандал. Проверка документов и поимка карманников была сорвана, за спором между представителями уездной милиции и военного штаба наблюдала публика. Жалобы на командирский состав со стороны милиции, если судить по рапорту были явлением обычным: «Причем присовокупляю, что при каждой облаве по проверке документов у граждан все <чаще> бывает тормозов со стороны Комсостава гарнизона, каковой старается провести барышень за своих жен или сестер, каковые по выяснению оказываются “барышнями” легкого поведения кои бывают без документов и подлежат задержанию для составления протоколов за нарушение приказа отдела Управления за № 67, но за этих барышень вступает Комсостав гарнизона» [10, л. 26]. Дело в том, что у военнослужащих проверка документов не производилась, что давало им больше свободы относительно других горожан.

Что касается милиции, то на особенностях ее работы в условиях малого города следует остановиться отдельно. В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК от 10 июля 1920 г., утвердившим положение «О рабоче-крестьянской милиции» [18], обеспечение безопасности городского населения и противодействие бандитизму, возлагалось на городскую и уездную милицию, входившую в состав Рабоче-Крестьянской Милиции (РКМ) [27]. Считаясь вооружённым исполнительным органом РКМ могли быть привлечены в действующую Красную Армию [18], что в рассматриваемый нами период было довольно актуально. Разумеется, г. Георгиевск в 1920 гг. в вопросе формирования местных правоохранительных органов не стал исключением. Вместе с тем, штат работников городской и уездной милиции провинциального города был довольно ограничен.

Возможности георгиевской милиции были ограничены не только тем, что советская право-

вая система и уголовное право находились в стадии оформления, но и другими обстоятельствами. В рапорте начальника милиции первого района г. Георгиевск от 14 сентября 1921 г. адресованного к начальнику уездной милиции в освещается ситуация с полученным от последнего устного распоряжения о необходимости формирования караула, на что начальник милиции первого района г. Георгиевск вынужден был дать отказ ввиду малочисленности команды милиции, входящей в его подчинение.

В том же рапорте выясняются и куда менее приятные обстоятельства состояния уездной милиции в 1921 г.: обеспечение сотрудников даже предметами первой необходимости оставляло желать лучшего. О компетентности и профессионализме кадров говорить было сложно, так как прежде всего постреволюционная повседневность малого города была связана с преодолением бытовых проблем. Так в рапорте мы находим банальную нехватку одежды и обуви как причину невыполнения служебных поручений: «... мною было донесено поручение старшему по команде о высылке милиционеров для несения наряда, но милиционеры отказываются от несения караула ввиду того, что у одного были рваные ботинки, а другой был полураздет» [9, л. 165]. Однако, учитывая последующие комментарии начальника милиции первого района города, дает понять, что отсутствие одежды и обуви не всегда принималось в качестве уважительной причины неисполнения поручений начальства: «... но несмотря на все это, мною был произведён арест таковых, после чего вскорости милиционеры исполнили моё приказание пойти в караул» [9, л. 165 об.]. Следует понимать, что подобный подход вряд ли мог гарантировать качество несения службы по охране правопорядка в городе. В милицию шли не по призванию, а по нужде. Так, один из георгиевских жителей¹, служивший в РККА с 1918 г., просил принять его на службу в милицию, так как он остался без «должности» и у него не средств на дальнейшее существование [16, л. 5]. Ротация кадров происходила по совсем упрощенным критериям, например, по таким: «в араковарении и пьянстве мною лично он не был замечен, а также во взяточничестве» [16, л. 3]. Далее практика показала, что борьба с араковарением затруднялась тем, что самогон употребляли сами милиционеры: «В отношении борьбы с араковарением делается конечно так, кто угостит милиционера, тот свободно может гнать араку» [10, л. 147].

В 1922 г. ситуация в милиции и возможности ее сотрудников по борьбе с уголовными преступлениями оставались скромными. Во-первых, работа велась «в пьяном виде», во-вторых, штат был малочисленный, в-третьих, отсутствовала дисциплина: «Иногда бывает так, что бросают канцелярию отделения без дежурного и всякий сторонний мо-

¹ Фамилия в заявлении написана нераборчиво

жет зайти и забрать имеющееся там оружие». В четвертых, не было лошадей, а за имеющимися никто не присматривал [10, л. 147].

Возвращаясь к вопросам мер противодействия преступности, отметим, что востребованными методами оставались посты и караулы, состоящие из 2 – 3 сотрудников уездной милиции, которые регулярно проверялись специальными комиссиями. Например, в Протоколе №1 комиссии по сокращению караулов и постов при гарнизоне города Георгиевска Терской губернии от 26 апреля 1921 г. говорится о сокращении караулов только в тех местах города, которые не считались более значимыми с военной и государственной точек зрения [9, л. 25].

Эти меры не гарантировали успех в борьбе с преступностью. В отчёте от 16 ноября 1921 г. отмечаются учащающиеся случаи попыток ограблений в общественных местах, таких как Георгиевский рынок: «В последнее время участились случаи неизвестными лицами покушения на взлом лавок и кражу из них товаров, при этом неизвестные лица угрожали расправиться с нашим наёмным сторожем, если он будет поднимать тревогу. Если грабежи ещё не приняли таких широких размеров, то это произошло благодаря случайным присутствиям на базаре частных товарищей или самих торгующих» [8, л. 283]. Сторож имел опыт работы на бакинском газопроводе и Гулиевской мельнице, но при этом был безоружен. В этой связи заявители, видимо те, чьи лавки пострадали, просили выдать ружье сторожу и брали на себя ответственность за его сохранность [8, л. 283].

В архиве часто встречаются документы, подтверждающие необходимость для новой власти обращаться к добровольцам и организации самообороны. Непонимание и недостаточная осознанность населения в деле возложенной на них ответственности мешали результативности самообороны. Даже среди военных возникали подобного рода проблемы, как, например, в ситуации с жителем Георгиевска Константином Деевым – часовым второй терской батареи. В январе 1921 г., в 3 часа ночи он решил сообщить напарнику о пересменке с помощью вверенного ему оружия, совершив несколько выстрелов [9, л. 7]. Подобное действие было воспринято нарушением правопорядка, т.к. использование огнестрельного оружия не по назначению в 1920-х гг. в соответствии со статьей 207 УК РСФСР считалось порчей казённого военного имущества и наказывалось лишением свободы сроком не менее года [29].

В рассматриваемый нами период термин «бандитизм» охватывал довольно широкий перечень противоправных и наказуемых действий. В отличие от «спокойного» времени, в 1920-х гг. список преступлений, подходящих под данный термин, расширится, следуя за изменениями исторической и политической действительности.

Заметим только, что в отчётах георгиевской городской милиции мы найдём лишь повторение структурированных на государственном уровне преступлений. Так, в г. Георгиевск, к числу преступлений, которые могли бы послужить основанием для ареста по обвинению в бандитизме, включались такие поступки как воровство, убийство [9, л. 7], незаконное хранение оружия, взаимодействие с бандитскими группировками, злоупотребление служебными полномочиями, саботаж, коррупция, спекуляции, беспорядки и злоупотребление алкоголем [9, л. 30 об.], так и преступления против советской власти, идей коммунизма и нового порядка [9, л. 30].

Расследованию подлежал довольно широкий спектр преступлений, начиная с бытовых, вроде кражи 13 кур [9, л. 5] или игнорирования предупреждений милиции о запрете грызть семечки и распивать алкогольные напитки в общественных местах [9, л. 256], и заканчивая более серьёзными преступлениями (нанесение увечий или убийство). Возьмём для примера случай 4 июня 1921 г., когда в общественном месте, на Ярмарочной улице г. Георгиевск, «персиянин» Мансут Манат зарезал свою супругу [9, л. 69]. Подобные скачки от мелких злодеяний до уголовно наказуемых преступлений характерны провинциальному городу Георгиевск, очевидно, были вызваны не только реакцией общества на изменения политической действительности, но и не всегда успешными попытками новой власти сдерживать эту самую реакцию (активизацию преступности и хулиганства), что и провоцировало появление куда более широкого перечня видов преступлений, к которым так или иначе прибегали горожане в 1920 гг.

Особого внимания заслуживали работники и их добросовестность в исполнении рабочих поручений. Подобные нюансы также волновали новую власть и подлежали рассмотрению как один из видов бандитизма: халатность или злоупотребление полномочиями. Самым ярким примером подобной проблемы стал Георгиевский детский дом, прославившийся своими воспитанниками, блуждающими по городскому базару. Дети были плохо одеты и недоедали. Архивные документы передают разговор с этими детьми, в ходе которого становится известно о халатности служащих и воровстве продукции, выданной для нужд детского дома. Самых детей работники посылали на местный базар, чтобы те просили «ту или иную подачку», чем и кормили бы себя [6, л. 16].

Если халатность и воровство подтверждались – в качестве последствий наступало как наказание, так и ограничения для работы и социальной жизни нарушителя. Это могло быть не только ограничение свободы, но и своего рода «характеристики», которые учитывались при попытках устроиться на работу или при взаимодействии с государственными структурами. Например, текст выписки уездного отдела народного

образования (УОНО): «Губоно доводит до сведения, что в Терскую губ. Выехал из Калачинска уволенный за растрату и мошенничество Александр Николаевич Смирнов, рассчитывающий устроиться в Терской губ. В районе Моздока. Означенному гр-ну ни в коем случае нельзя предоставлять работы в УОНО» [6, л. 8].

Наряду с бандитизмом, воровством и прочими преступлениями, сталкиваемся с ещё одним общественным пороком молодой советской власти: взяточничество и коррупция. Гражданские начальники, а не только правоохранительные органы, вовлекались в борьбу с данной неприглядной стороной советской социальной реальности. В отдельных ведомствах проводилась политика по искоренению взяточничества. Так, начальник Георгиевского губернского земельного управления издал циркулярное письмо¹: «Болезнь застарелая – хроническая, полученная от царского режима; болезнь особенно сильно расцветшая махровым цветом в наших Советских аппаратах с введением НЭП» [7, л. 1]. Он предписывал организовывать «тройки» из работников с хорошей репутацией, которые будут проводить как наблюдение за коллективами, так и разъяснительную работу [7, л. 1].

О том, какие предпринимались меры борьбы с коррупцией можно делать вывод из краткого руководства по составлению отчётов Комиссии при областном экономическом совещании (Обэконо) и Губернском экономическом совещании (Губэконо) по борьбе со взяточничеством [6, л. 24]. Комиссия стремилась создать общую и единую форму для отчётов о проделанной работе: рекомендовалось комментировать работу по организации мероприятий и деятельности ведомственных комиссий, наблюдению за группами и организациями, что наиболее подвержены взяточничеству, использованию прессы, вовле-

чению партийных и профессиональных организаций, а также наблюдению за особо яркими судебными процессами [6, л. 24]. Тем самым конкретизируя свою сферу контроля и определяя потенциально подверженные коррумпированию должности и мероприятия.

Результаты. Таким образом, социальные и политические потрясения 1920-х гг. требовали принятия серьёзных мер по установлению контроля над общественным порядком и борьбой с бандитизмом в период послереволюционной нестабильности. В условиях провинциального Георгиевка мы наблюдаем следующие особенности: влияние сельской округи на городское пространство, поэтому бандитизм и преступления в селах и станицах влияли на жизнь горожан; частью городской повседневности становится араковарение и как следствие попытки властей преодолеть проблему пьянства, в городской среде были распространены в большей степени такие преступления как воровство и карманные кражи. Правоохранительные органы были созданы довольно быстро с приходом советской власти. Однако создание новых структур правопорядка не могло дать безоговорочной гарантии эффективного противодействия преступности. Работа сотрудников милиции и военнослужащих была связана с городской повседневностью, и они были ее частью. Ежедневная рутина милиционеров была связана не только со службой, но и выживанием в связи с нехваткой как оружия, одежды, обуви, так и кадров. Имеющиеся сотрудники демонстрировали дефицит профессионализма и опыта. Вместе с тем, необходимо учитывать экономическую дестабилизацию и общий кризис в управлении государством.

¹ Письмо не датировано, предположительно 1923 – 1924 гг.

Литература

1. Булдаков В. П. Механизм катастрофы. Курс лекций «Жить по понятиям» URL: <https://web.archive.org/web/20191227164003/https://www.litres.ru/vladimir-buldakov-18568706/mehanizm-katastrofy-42820995/> (дата обращения: 23.10.2024).
2. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. 759 с.
3. Гарнет М. Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств): Пособие для статистиков и криминалистов. М.: Центр. стат. упр., 1922. 269 с.
4. Гарнет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после неё: второй выпуск «Моральной статистики». М.: ЦСУ СССР, 1927. 270 с.
5. ГАСК. Ф. Р1167. Оп.1. Д. 16.
6. ГАСК. Ф. Р1270. Оп.1. Д. 1.
7. ГАСК. Ф. Р1271. Оп.1. Д. 1.
8. ГАСК. Ф. Р1275. Оп.1. Д. 2.
9. ГАСК. Ф. Р1275. Оп.1., Д. 8.
10. ГАСК. Ф. Р1275. Оп.1. Д. 9.
11. ГАСК. Ф. Р1296. Оп.1. Д. 2.
12. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1. Д. 1.
13. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1. Д. 3.
14. ГАСК. Ф. Р1302-с. Оп.1. Д. 9.
15. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1, Д. 10.

16. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1. Д. 12.
17. Горнаева Л. А. Малый провинциальный город в социальной структуре современного российского общества: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2002. 20 с.
18. Декрет о рабоче-крестьянской милиции (положение) от 10.07.1920 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/901974513> (дата обращения: 23.10.2024)
19. Жижиленко А. А. Преступность и её факторы. Пб.: Мир знаний, 1922. 66 с.
20. Колемасов В. Н. Советская уголовно-правовая политика в 1917–1928 годах // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 1. С. 105–108.
21. Лысова Н. Ю. Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы // Регионология. 2008. № 2. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/125> (дата обращения: 21.11.2024)
22. Мигущенко О. Н. Карательная (уголовная) политика Советского государства в 20-30-е годы XX в. // История государства и права. 2010. № 19. С. 23–26.
23. Никулин В. В. Преступность как социально-правовое явление в 1920-е годы: тенденции и состояние // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 55–60.
24. Павлов А. Н. Борьба милиции с преступностью в годы нэпа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 135–144.
25. Панин С. Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е годы // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 92–102.
26. Родин Д. П. Городская и сельская преступность // Право и жизнь. М.: Право и жизнь, 1926. Кн. 2 – 3. С. 94–101.
27. Становление ставропольской милиции в 20-е годы XX века // Из века в век служба закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь: Изд-во «Сервисшкола», 2005. 578 с. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk/ (дата обращения: 13.11.2024).
28. Тепляков А. Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 3(45). С. 44 – 64.
29. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 21.11.2024)
30. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОСПЭН, 2008. 336 с.

References

1. Buldakov VP. The mechanism of disaster. Lecture course "Living by concepts" URL: <https://web.archive.org/web/20191227164003/> (accessed: 10.23.2024). (In Russ.).
2. Buldakov VP. Utopia, aggression, power: Psychosocial dynamics of the post-revolutionary period. Russia, 1920-193. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSPEN); 2012. 759 p. (In Russ.).
3. Gernet MN. Moral statistics (criminal statistics and suicide statistics): Handbook for statisticians and criminologists. Moscow: Central Statistical Office; 1922. 269 p. (In Russ.).
4. Garnet MN. Crime and suicide during the war and after it: the second issue of "Moral statistics". Moscow: CSU of the USSR; 1927. 270 p. (In Russ.).
5. GASK. F.1167. Inv.1. D. 16. (In Russ.).
6. GASK. F.1270. Inv.1. D. 1. (In Russ.).
7. GASK. F.1271. Inv.1. D. 1. (In Russ.).
8. GASK. F.1275. Inv.1. D. 2. (In Russ.).
9. GASK. F.1275. Inv.1. D. 8. (In Russ.).
10. GASK. F.1275. Inv.1. D. 9. (In Russ.).
11. GASK. F.1296. Inv.1. D. 2. (In Russ.).
12. GASK. F.1302. Inv.1. D. 1. (In Russ.).
13. GASK. F.1302. Inv.1. D. 3. (In Russ.).
14. GASK. F.1302-S. Inv.1. D. 9. (In Russ.).
15. GASK. F.1302. Inv.1, D. 10. (In Russ.).
16. GASK. F.1302. Inv.1. D. 12. (In Russ.).
17. Gornaeva LA. A small provincial town in the social structure of modern Russian society: abstract of thesis. Saratov; 2002. 20 p. (In Russ.).
18. Decree on the Workers' and Peasants' militia (regulation) of 07.10.1920 in Electronic Fund of legal and regulatory documents: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901974513> (accessed: 10.23.2024). (In Russ.).
19. Zhizhilenko AA. Crime and its factors. Peterburg: Mir znaniye; 1922. 66 p. (In Russ.).
20. Kolemashov VN. Soviet criminal law policy in 1917-1928. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2008;(1):105-108. (In Russ.).
21. Lysova NYu. Small historical city: cultural parameters and current problems. *Regionologiya*. 2008;(2). URL: <https://regionsar.ru/ru/node/125> (accessed: 11.21.2024). (In Russ.).
22. Migushchenko ON. Punitive (criminal) policy of the Soviet state in the 20-30s of the XX century. *Istorija gosudarstva i prava*. 2010;(19):23-26. (In Russ.).
23. Nikulin VV. Crime as a socio-legal phenomenon in the 1920s: trends and state. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2009;(2):55-60. (In Russ.).
24. Pavlov AN. The struggle of the police against crime in the years of the NEP *Voprosy istorii*. 2004;(10):135-144. (In Russ.).
25. Panin SE. "Drunken" crime in Russia in the 1920s. *Sociologicheskij zhurnal*. 2002;(4):92-102. (In Russ.).
26. Rodin DP. Urban and rural crime in Law and life. Moscow: Pravo i zjizn, 1926. Books 2-3. P. 94-101. (In Russ.).

27. The formation of the Stavropol militia in the 20s of the XX century in "From century to century serving the Law" – an essay on the history of the internal affairs bodies of the Stavropol Territory (the official date of formation of the internal affairs bodies of the Stavropol Territory is June 10, 1920). Stavropol: Servisshkola; 2005. 578 c. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk/ (accessed: 11.13.2024). (In Russ.).
28. Teplyakov AG. Crime and power in the era of the formation of Soviet statehood. *Novyj istoricheskij vestnik*. 2015;3(45):44-64. (In Russ.).
29. The Criminal Code of the RSFSR dated 06/01/1922 URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (accessed: 11.21.2024). (In Russ.).
30. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: gorod. Moscow: ROSSPAN; 2008. 336 p. (In Russ.).